

Елена Лаврова

*Марина
Цветаева:
человек, поэт,
мыслитель*

Елена Лаврова
Марина Цветаева:
человек, поэт, мыслитель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=30796929

ISBN 9785449060082

Аннотация

Елена Лаврова предлагает читателям исследование творческого наследия, духовного мира и личности гениального русского поэта. Внимание направлено на выявление своеобразия творческих принципов Цветаевой, на сущность поэтического творчества, на роль и место религии в жизни Цветаевой, на отношении поэта к революции. Исследование проведено на широком фоне европейской и русской духовной жизни первой половины XX века.

Содержание

Гений: подверженность наитию и управа с ним	5
Творение мифа о поэте	51
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Марина Цветаева: человек, поэт, мыслитель

Елена Лаврова

© Елена Лаврова, 2018

ISBN 978-5-4490-6008-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гений: подверженность наитию и управа с ним

Что именно позволило Цветаевой стать первым поэтом XX столетия? Вероятно, то же самое, что Пушкину позволило стать первым поэтом XIX столетия. Ясно, что гением поэта (или художника в широком смысле этого слова) делает совокупность определенных условий, качеств, черт: дар Божий, уровень владения ремеслом, трудолюбие, вдохновение, и ещё кое-что, что мы и обсудим в дальнейшем. Без этого «кое-чего ещё» может быть: талантливый художник, но — не гений. Ко всем вышеперечисленным качествам, условиям и чертам нужно присовокупить ещё два важнейших. Во-первых, это сильная чувственность. Чувственность, понимаемая как полнота и острота влечений и ощущений, доставляемых человеку всеми органами чувств. В этой главе мы обсудим только сильную чувственность, как одно из условий гениальности. «Сильная чувственность, — утверждает В. Соловьёв, — есть материал гения». ¹ Заметим, что сильная чувственность сама по себе не является признаком гениальности. Многочисленные и пламенные романы Пушкина, его чрезвычайная возбудимость, нервность, вспыльчивость до бешенства, по свидетельствам современников, хорошо известны. П. Губер составил список имен и биографий женщин, в которых

влюблялся Пушкин. Губер так и назвал свою книгу «Дон Жуанский список А. Пушкина». ²

Приведенный в книге список имен довольно-таки длинен, но, надо признать, далеко не все имена учтены. Пушкин сам называл свыше ста имён. Губер называет имена светских, или полу-светских дам. А ведь были ещё крестьянки, служанки, актрисы. В. Соловьёв отмечает в Пушкине одну особенность: С необузданной чувственной натурой у него соединялся ясный и прямой ум. <...> Среди самой пламенной страсти он мог сохранить ясность и отчетливость сознания». ³

Пушкину, кстати, принадлежат строка: «Я хладно пил из чаши сладострастья». Эту же особенность замечал Проспер Мериме у Байрона.

В. Соловьёв говорит, что такое раздвоение между поэзией и жизнью у Пушкина было поразительным. Но ещё более поразительным было преобразование жизни в поэзию. Цветаева, как и Пушкин, обладала чрезвычайно возбудимой нервной системой. Как Пушкин впервые испытал чувство любви в детском возрасте, так и Цветаева впервые влюбилась в возрасте шести лет. Здесь уместно, пожалуй, напомнить о другом гении, влюбившемся девяти лет от роду – о Данте. С шестилетнего возраста Цветаева постоянно пребывает в состоянии влюбленности. Как и у Пушкина, её любовные романы были кратковременны, но чрезвычайно интенсивны по накалу страстей.

Пушкин высоко ставил дружбу. Его дружеские привязанности были гораздо прочнее любовных связей. Можно даже сказать, что друзей Пушкин нежно любил и был им неизменно верен и предан.

Цветаева дружбу также ценила выше любви и неоднократно говорила об этом. Любовные увлечения Цветаевой, пламенные и бурные, длились недолго и, как правило, завершались разочарованием и разрывом. Как и Пушкин, Цветаева в самые бурные минуты любовного увлечения, сохраняет совершенно ясную голову и как бы наблюдает за собою со стороны. Об этой её особенности свидетельствует С. Эфрон, которому часто приходилось наблюдать, как протекают любовные романы его жены. В письме к М. Волошину Эфрон рассказывает: «Марина – человек страстей, гораздо в большей мере, чем раньше – до моего отъезда. Отдаваться с головою своему урагану для неё стало необходимостью, воздухом её жизни. Кто является возбудителем этого урагана сейчас – неважно, Почти всегда (теперь так же, как и раньше), вернее всегда всё строится на самообмане. Человек выдумывается, и ураган начался. Если ничтожество и ограниченность возбудителя урагана обнаруживаются скоро, Марина предаётся ураганному же отчаянию. <...> Сегодня отчаяние, завтра восторг, любовь, отдавание себя с головой, и через день снова отчаяние. И всё это при зорком, холодном (пожалуй, вольтеровски циничном) уме. Вчерашние возбудители сегодня остроумно и зло высмеиваются (почти всегда справедли-

во). Всё заносится в книгу. Всё спокойно, математически отливается в формулу. Громадная печь, для разогревания которой необходимы дрова, дрова и дрова. Ненужная зола выбрасывается, качество дров не столь важно. Тяга пока хорошая – всё обращается в пламень. Дрова похуже – скорее прогорят, получше – подольше. Нечего и говорить, что я на растопку не гожусь уже давно». ⁴

Образ огня, горящего в печи, почерпнут Эфроном у самой Цветаевой. В 1918 году она написала о себе:

Что другим не нужно – несите мне

Всё должно сгореть на моём огне!

Эфрон пишет об этой особенности характера Цветаевой – горячо увлекаться людьми – с горечью, ибо его самолюбие, несомненно, страдало, тем более, что с его точки зрения люди, которыми увлекалась Цветаева, не были достойны её внимания. Правда, при этом ему следовало бы признаться себе в том, что сам он вряд ли был объектом, достойным её внимания. Цветаева сама говорила, что увлекается и «шестьмым сортом», но что было делать! Такой она родилась. Это была её натура. И в этих увлечениях действовал всё тот же принцип, которым Цветаева руководствовалась и в поэзии – принцип преобразования. Недаром в одном из дневников она написала, что любить человека, это видеть его таким, каким его задумал Бог, но не создали родители. Своим внутренним взором Цветаева проникала в Божественный замысел, и влюблялась в него. Согласно этому Божественному замыс-

лу, Цветаева преображала реального человека в своём воображении в того, кем он должен был бы быть, но не состоялся в реальности. Как, каким образом проникала Цветаева в эту тайну человека, которую человек сам о себе не знал, о которой не подозревал? Это есть тайна – интуиции гения.

Способность поэтов-гениев к страстным переживаниям превышает, как правило, способности людей обыкновенных. Отсюда – непонимание со стороны людей обыкновенных – гениев, которых они нередко осуждают, а в тяжелых случаях предают остракизму. Особенно странным кажется обыкновенным людям бурная страсть при холодном, наблюдательном уме. Цветаева сама прекрасно сознавала, что с нею происходит, когда ей случается влюбиться. Она признавала, что стихи – дети любви. Без любви они не появятся на свет:

Каждый стих – дитя любви,
Нищий незаконнорожденный,

Цветаева была «матерью» своим стихам. А вот «отцом» мог стать – кто угодно. Это мог быть первый встречный мужчина или встречающая женщина. Он (или она) вызвал в душе поэта «ураган» влечения, который, в свою очередь, вызывал «ураган» вдохновения. У «отца» была роль «оплодотворителя». И неважно было, кто был в данном случае этим «оплодотворителем» – мужчина или женщина, ибо «плод» – стихи – был духовный. Духовный плод, рожденный из душевных волнений. Совсем как у апостола Павла: «Сеется тело душевное, рождается тело духовное». Цветаева пишет в дневнике:

«Душе, чтобы писать стихи, нужны впечатления. <...> Душе же необходимо, чтобы ей мешали (задевали), потому что она в состоянии покоя не существует. (Покой – дух). <...> Если вы говорите о душевном покое, как вершине, вы говорите о духовном покое, ибо в духе боли нет, он – над». ⁵

Только задеваемая душа, волнующаяся душа, очаровывающаяся душа, увлекаемая душа способна «родить». У Пушкина есть строка: «Прошла любовь, явилась Муза». Может быть, это не совсем точно, потому, что Муза-то является в самый разгар любви. Любовь Музу вызывает, как повивальную бабку. Любовь постепенно угасает, Муза усердно помогает принимать духовное «потомство», которое, кстати, может быть многочисленным. Но вот любовь угасла окончательно и надо начинать всё сызнова. Но объект, вызывавший волнение души, уже не волнует, не очаровывает, и поэт начинает искать новый. И так – без конца.

Цветаева знала самое главное, что далеко не всякий гений знал, и она поведала об этом всем, чтобы объяснить природу гения – быть подверженным постоянному натиску страстей, не потерять голову в буре страстей, не дать увлечь себя урагану за собою. Только тот гений, кому способность сопротивления страстям даруется свыше. Гений способен к этому сопротивлению от рождения. Сорокалетняя Цветаева, умудренная своим и чужим опытом, пишет: «Гений: высшая степень подверженности наитию – раз, управа с этим наитием – два, Высшая степень душевной разъятости и высшая собран-

ности. Высшая – страдательности. И высшая – действительности. Дать себя уничтожить вплоть до какого-то последнего атома, из уцеления (сопротивления) которого и вырастает – мир». ⁶

Холодный, трезвый, бодрствующий ум гения не даёт ему быть раздавленным собственными страстями, утонуть в их пучине. Если такого сопротивления ума не будет, то появится раздавленный, несчастный человек – кандидат в дом для умалишенных, а то и пациент оного. Примеров тому немало. Описанный Эфроном пароксизм бурных страстей Цветаевой напоминает пароксизмы страсти Пушкина, чья влюбленность, когда он влюблялся всерьёз, протекала, по свидетельству современников, как тяжелая болезнь.

Однако между любовными увлечениями Пушкина и Цветаевой есть существенная разница. Влюбленный Пушкин стремился к физическому обладанию. Губер пишет, что Пушкину необходимо было физическое обладание; если женщина оставалась недоступной, это буквально сводило поэта с ума. Он готов был на всё, лишь бы добиться физического обладания. Поразительно то, что идеалом Пушкина в поэзии была женщина недоступная. Примером тому, Татьяна в «Евгении Онегине», Машенька в «Дубровском». Пушкин, тоскующий по чистоте и целомудрию, дал бессмертную формулу:

Но я другому отдана,
И буду век ему верна.

Можно прибавить, что Пушкин тосковал не по одной только женской чистоте, не по одному только женскому целомудрию, но и по мужской чистоте и целомудрию, кстати, и тосковал по своим собственным чистоте и целомудрию – тоже. Татьяна в саду готова на всё во имя своей любви, но Онегин в этой сцене целомудрен, великодушен, и благороден. Не любя Татьяны, он не воспользовался доверчивостью и неопытностью девушки. Влюбленный Онегин готов на всё во имя своей любви, но Татьяна целомудренна и недоступна, любя Онегина, ибо она отдана другому мужчине. Оба – прекрасны! Целомудрие, чистота, верность и преданность в браке с точки зрения Пушкина – высшие ценности. Ветреный в жизни, в литературе он дал нам урок высшей нравственности. Поэт в человеке нравственно всегда выше человека. Поэт в человеке – человека приподнимает над обычным уровнем. Пушкин-человек жаждал физического обладания женщиной, которую любил. Пушкин-поэт воспевал целомудрие и чистоту, особенно в те минуты, когда человеком овладевал соблазн, но он находил мужество бороться с ним.

Цветаева в отличие от Пушкина, если и стремилась к физическому сближению с теми, в кого была влюблена, то в только, пожалуй, в молодости. Позже, поняв свою психофизику, обуздав свою чувственную природу, она направляет весь поток страстей в творческое русло, т. е. говоря языком З. Фрейда, Цветаева научилась сублимировать свою сексу-

альную энергию, которая, побушевав в психической сфере, разряжалась в творчестве. Многочисленные любовные увлечения Цветаевой, таким образом, имели платонический характер. Недаром однажды Цветаева сказала, что её любил бы Платон.

Почему Цветаева была уверена, что её любил бы Платон? Платонизм Цветаевой проявляется сразу по нескольким направлениям: отношение к любви, браку, деторождению и творчеству. Обладая от природы бурным, взрывным темпераментом и сильной чувственностью, Цветаева с юности избрала наступательную тактику в любви. Если кто-нибудь ей сильно нравился, она отбрасывала в сторону соображения принятых правил поведения, традиции и первой проявляла свои чувства, не дожидаясь иногда даже ответной реакции со стороны объекта любви. Впоследствии, очевидно не раз столкнувшись с непониманием, недоумением, холодностью и отпором, сорокалетняя Цветаева с горечью говорила, что в любви она брала людские сердца штурмом, но постепенно убедилась, что людям нужно что-то другое, чем то, что она может дать.

Дать Цветаева могла свою душу, сердце, внимание, сочувствие, беседы, заботу. Люди попросту пугались её натиска и бурного излияния чувств, тем более что, похоже, Цветаева не спрашивала – что чувствует по отношению к ней человек, который ей нравится. Люди пугались, замыкались в себе, отшатывались. Цветаева просто всегда была – ЛЮ-

БЯЩЕЙ, и её платонизм проявлялся, прежде всего, в этом. Ведь Платон сказал устами Федра: «Любящий божественнее возлюбленного, потому что вдохновлён богом» («Пир»).

Сидеть и ждать, когда кто-нибудь её полюбит, Цветаева не могла. Её натура, её психофизика была иной, чем у тех людей, кто может ждать. Перешагнув рубеж тридцатилетия, Цветаева, поняв свою природу, пытается объяснить своему очередному возлюбленному (любовь – на расстоянии, эпистолярная, как это нередко бывало) свою роль в любви: «Я сама – ЛЮБЯЩИЙ, говорю Вам с *connaissance de cause* (*de coeur*!). Не каждый может. Могут: дети, старики, поэты. И я, как поэт, т. е. конечно дитя и старик! – придя в мир, сразу избрала себе любить другого. Любимой быть – этого я и по сей час не умела. (То, что так прекрасно и поверхностно умеют все!)».⁷

Помимо этого Цветаева пытается объяснить и свои неудачи в любви: «Когда люди, сталкиваясь со мной на час, ужасаются теми размерами чувств, которые во мне возбуждают, они делают тройную ошибку: не они – не во мне – не размеры. Просто безмерность, встающая на пути. И они, может быть правы в одном только в чувстве ужаса».⁸

Любовь у Платона имеет целью либо деторождение у разнородных пар, либо создание творений у однородных пар. По Платону, люди беременны. Если мужчина беремен телесно, то он избирает женщину, и вместе они дают жизнь потомству. Если мужчина беремен духовно, то он влюбляет-

ся в юношу и любовь помогает родиться духовному потомству: разумным законам, добродетелям, доблести, поэтическим и философским сочинениям. Именно любовь к юношам вдохновляет мужчину. Любовные узы, связующие мужчину и юношу, Платон считает более крепкими и тесными, нежели узы, связующие отца и мать, родителей и детей. Духовные дети, рождённые в таком любовном союзе, прекрасны и бессмертны. Платон убеждён, что каждый предпочтёт иметь духовных детей, чем обычных, ибо именно духовные дети приносят родителю бессмертную славу.

Цветаева совершенно в духе Платона понимает роль любви. Любовь для неё не самоцель. Цель любви – создание духовных творений:

Каждый стих – дитя любви,

Для Цветаевой само понятие любви неразрывно связано с понятием творчества. Это как бы две стороны одной медали. Цветаева говорит: «Поэт – через стихи – причастен материнству как женщины – через стихи – отцовству».⁹

То есть, мужчина-поэт познаёт, что такое материнство, как женщина-поэт познаёт, что такое отцовство. Это возможно только тогда, когда дети – духовные творения. Вот, кстати, и ещё объяснение, почему Цветаева считает всякого поэта – андрогином, т. е. существом, сочетающим в себе мужское и женское начало. В Платоновой любящей паре духовное потомство даёт старший мужчина, в то время как юноша вдохновляет его на творчество. Юноша ещё незрел

и старший занимается его нравственным, физическим, умственным воспитанием.

Как Цветаева переносит в современную жизнь идеи Платона? Как она разрешает проблемы, неизбежно при этом возникающие? Обойти вниманием эту тему нет ни малейшей возможности, если мы хотим знать духовный мир Цветаевой. Что Цветаева имела опыт гомосексуальной любви, это давно не секрет. Цветаева сама смолоду познала суть своей натуры и считала, что всякий поэт, будь он мужчиной или женщиной, является смесью мужского и женского, как мы только что упоминали. Признавая право человека на гомосексуальную любовь, Цветаева, в сущности, была бисексуальна, как в действительности были бисексуальны, а не гомосексуальны древние греки. Цветаева размышляет в своём дневнике: «Любить только женщин (женщине) или только мужчин (мужчине), заведомо, исключая обычное обратное – какая жуть! А только женщин (мужчине) или только мужчин (женщине), заведомо, исключая необычное родное – какая скука! И всё вместе – какая скудость! Будьте как боги! Всякое заведомое исключение – жуть!». ¹⁰

Это высказывание – апологетика бисексуальной, то есть платонической любви. Во всяком случае, её первого этапа.

Обратимся пока что к первой половине вышеприведённого высказывания. Смысл его в том, что человек, будь он мужчиной или женщиной, не должен отказываться от радостей любого типа любви. Цветаева предлагает перемежать оба ти-

па, чтобы не испытывать ни жуты, ни скуки. Это совершенно в духе Платона, который вовсе не отвергает гетеросексуальную любовь, необходимую для деторождения. Цветаева развивает мысль Платона. Жуть предпочтения только гомосексуальной любви заключается в невозможности обычного деторождения. Скука предпочтения только гетеросексуальной любви заключается в отказе от деторождения. Недаром Цветаева говорит не только о скуке, но и о тупике гетеросексуальной любви, если целью её является только чувственное наслаждение ради самого наслаждения. В этом случае, жена – предел, тупик, который может быть разверст только ребенком, как пишет Цветаева. Один только ребенок может уничтожить тупик и вывести отношения любовной пары на новый уровень. Без ребенка гетеросексуальная любовь бессмысленна.

Размышления о природе телесной любви привели Цветаеву к следующему выводу: «Тело насыщаемо, душа – нет. Поэтому та любовь – островами, соединёнными (разъединёнными!) пустотой (океана, т. е. одиночества) неминуемо гибнет. Обкормишь – сдохнет. <...> И даже досыта кормить нельзя, ибо долго не захочет. Дразнить или голодом или приправами (1001, но не больше!). И в итоге, так или иначе, – раз тело всё равно сдохнет!». ¹¹

Гомосексуальная любовь есть жуть и тупик для пар, не разверзающих тупика рождением творения, а предающихся наслаждению ради наслаждения. Другими словами,

здесь действует тот же принцип, что и в гетеросексуальной любви. В гомосексуальной любви рождает творение сильный и старший партнёр – взрослый мужчина. Для него в таком случае любовь не есть тупик. А юноша, вдохновляющий, но не рождающий творение? И для него в таком случае любовь не есть тупик, потому что, с одной стороны, он вдохновитель, а с другой – развивает под руководством старшего мужчины свой ум, нравственность, доблесть и добродетели, становясь законопослушным, честным гражданином государства. Оба партнёра как бы растят сообща свои творения. Платон воспевает крепость любовно-духовных уз, связующих мужчину и юношу.

Но рано или поздно союз должен распасться, потому что, став полноценным и полноправным гражданином, юноша становится мужчиной и должен принять на свои плечи ряд обязанностей, среди которых не последнее место занимает обязанность жениться и произвести потомство, столь необходимое государству. Став взрослым мужчиной, теперь он сам может воспитывать юношей и создавать свои собственные творения. В сущности, у Платона в гомосексуальной любовной паре юноша есть сам – творение старшего, помимо других духовных детей. В современной жизни эта Платонова мысль была извращенно понята.

В XVI веке У. Шекспир правильно понимает и трактует Платона. В первых двадцати сонетах Шекспир уговаривает своего возлюбленного иметь потомство – не менее десяти

детей, которые смогут унаследовать красоту и добродетели юноши. Шекспир обещает ему бессмертие посредством деторождения, т. е. обещает, что тупик их любви будет развёрст дважды: творениями Шекспира и детьми юноши. В последующие века из гомосексуальной любви была вытравлена идея духовного и обычного деторождения. Этот тип любви зашёл в тупик наслаждения ради наслаждения. Современная гомосексуальная любовь не имеет ничего общего с бисексуальной культурой Древней Греции, с истинным платонизмом. Это извращение платонизма началось, впрочем, не с эпохи Возрождения, а с императорского Рима, а эпоха Возрождения многое из античной культуры перенимала именно от Рима, но не от Греции. Шекспир в этом смысле есть счастливое исключение.

Мужчина в Древней Греции не должен был пренебрегать исполнением долга по отношению к природе и обществу. Взрослые бездетные мужчины не пользовались уважением в обществе. Вспомним знаменитый ответ греческого юноши, не вставшего, как велел обычай, при появлении взрослого мужчины. На недовольный вопрос о причине неисполнения обычая, юноша отвечал: «У тебя нет сына, который встал бы при моём появлении, когда я стану мужчиной».

Современная гомосексуальная любовь выработала особый тип мужчины, какой не был известен в Древней Греции, – женственного мужчины. Цветаева высказывалась резко-отрицательно в адрес таких «мужчин». Люблю муже-

ственность и в мужчинах. Женственный (физически, ибо всё остальное – вне пола), женственный мужчина мне куда омерзительнее – быкоподобного». ¹²

Цветаева любит мужественность (как духовное качество) и в женщинах и в мужчинах. Быкоподобный мужчина ей тоже, в общем-то, омерзителен, но немного меньше, чем женственный.

Оба типа – вне Платоновой концепции. Тип мужественного мужчины (старшего) у Платона – тип доблестного воина, законопослушного гражданина, вдохновенного творца и заботливого, требовательного и нежного любящего. Древнегреческие государства поощряли подобного рода отношения между старшими мужчинами и юношами.

Г. Лихт пишет: «всё, что сделало Грецию великой, всё, что создало для греков культуру, которой человечество не перестанет восхищаться до конца времен, имело свои корни в беспримерной этической ценности, которая придавалась мужскому характеру в общественной и частной жизни». ¹³

Современные люди, восхищающиеся культурой Древней Греции и, в частности, особенностями их культуры любви, не должны были бы забывать, что древние греки моментально выродились бы через поколение, если бы культивировали бы исключительно гомосексуальный тип любви, если бы они оставались в его жути и тупике.

Цветаева возрождает в современной культуре философию и практику истинной древнегреческой культуры, истинно-

го платонизма. Любопытно, что честь этого возрождения принадлежит женщине, хотя, если хорошо вдуматься в этот факт, ничего удивительного в этом нет. Дело в том, что честь возрождения принадлежит вовсе не женщине, а поэту, который оказался женщиной. Цветаева неоднократно говорила, что женское начало в ней развито слабо. Она бесстрашно, без всяческого лицемерия и ханжества констатирует этот факт. Более того, она защищает свое право быть третьим полом, андрогином, т. е. – поэтом, который, по её собственному выражению, всегда является «смесью мужского и женского».

Особенности своей психофизической природы Цветаева осознала очень рано. В молодости она спокойно и открыто говорила об этом: «Я настолько не женщина, что всегда предоставляю любовную часть другому, как мужчина – бытовую: хочешь так, хочешь этак, я в это дело не вмешиваюсь». ¹⁴

Как правило, Цветаева объясняет каждому очередному возлюбленному – кто она есть на самом деле: «Вы говорите: женщина, Да, есть во мне и это. Мало – слабо – налётами – отражением – отображением. Для любящего меня женщина во мне – дар. Для любящего её во мне – дар, для меня – неоплатный долг. Единственное напряжение, от которого я устаю и единственное обещание, которого не держу. <...> Я ведь дух, существо. Не женщина к Вам писала и не женщина к Вам пишет, то, что над, то, с чем и чем умру». ¹⁵

Дух, которым ощущает себя Цветаева, существо, поэт это

даже и не третий пол. Это – вне пола. Потому что творчество всегда вне пола. А поскольку в человеке всё цельно и едино, и нельзя сказать – вот кончается человек и начинается поэт (или наоборот), то Цветаева заключает: «Женственность во мне не от пола, а от творчества». ¹⁶

Цветаевский вариант Платоновой концепции любви правильное было бы назвать так, как назвал этот вариант В. Розанов – Платоно-Сафической любовью, что справедливо и правильно, принимая во внимание, что «в дружбе Сафо со своими ученицами древние видели сходство с близкими отношениями между Сократом и его учениками». ¹⁷

Как Платон отдавал предпочтение гомосексуальной любви по причинам, которые выше мы уже обсуждали, так и Цветаева отдаёт предпочтение гомосексуальной женской любви перед гетеросексуальной. Но причин предпочесть одно – другому у Цветаевой несколько больше, чем у Платона. Платон к женщинам относится более-менее лояльно и даже признаёт за ними право заниматься тем же, чем занимается мужчина, если у женщины есть к этому занятию склонность. («Государство»). Женщина, прежде всего, необходима государству как производительница, как мать будущих граждан.

Цветаева, признавая необходимость гетеросексуальной любви по тем же причинам что и Платон, признаётся, что мужчин – не любит, мужчин – презирает, мужчинам – мстит, разумеется, в том случае, если мужчина не такой же Дух, существо, поэт, как она сама. Цветаева, конечно, не афиши-

рует этой своей нелюбви к мужчинам, но несколько раз она обмолвилась. В частности в письме к А. Бахраху, которого мужчиной не считала, видя в нём, прежде всего, собрата по перу, и – следовательно – существо – вне пола: «Вчера, под луной, ходила с одним моим приятелем высоко и далеко в горы <...> Это странная дружба, основанная на глубочайшем друг к другу равнодушии (**ненавидит женщин, как я – мужчин**)». ¹⁸ (Выделено мною. Е. Л.)

Какова причина этой ненависти? Причиной является то, что мужчины, по мнению Цветаевой, материально-физическое, внешнее, поверхностное ставят на первое место, отдавая ему предпочтение перед внутренним, душевно-духовным. Цветаева пишет: «Сильнее души мужчины любят тело, но ещё сильнее тела – шелка на нём: самую поверхность человека!». ¹⁹

Даже лучшие из мужчин – поэты, не всегда могут преодолеть в себе грубый материализм: Пушкин, к примеру, выбирает пустую, бездушную красавицу. Сравнивая мужчин и женщин, Цветаева говорит: «Женщины говорят о любви и молчат о любовниках, мужчины – наоборот. (Мужчины этого слова и в рот не берут, как снижающего их мужской престиж бездушия)». ²⁰

Цветаева неоднократно возвращается к вопросу мужского материализма: «Если бы мужчины влюблялись: теряли голову – от сущностей, они бы теряли её и от семилетних и от се-

мидесятилетних. Но они влюбляются в прерогативы возраста. Семнадцать лет, – значит то-то и то-то – возможно, а та же три года назад, та же!!! – и не посмотрят, головы не обернут. Весьма расчетливое теряние головы, вроде 12% помещения капитала (от 4% до 20% – это уж дело темперамента – *qui risque rien ne gagne rien, qui risque peu* – и. т. д. Но всегда – с %)).²¹

С точки зрения Цветаевой мужчины – слишком слабые духом существа. Во всяком случае, равного себе по силе духа она не найдёт никогда, хотя всю жизнь будет об этом мечтать: «Я, кажется, всех мужчин превращаю в женщин. Хоть бы какой-нибудь один меня – назад – в свой пол».²²

В какой-то момент ей показалось, что равным был Б. Пастернак. Но Пастернак тоже обнаруживает свою мужскую слабость и предаёт Цветаеву ради хорошенькой женщины. Цветаева сетует: «Мужчины ищут „страсти“, т. е. сильного темперамента (душевные страсти им не нужны, иначе нужна была бы – я) – или красоты – или кокетства – или той самой „теплоты“ или (для жены) „чистоты“ (той самой). Не той страсти, не той красоты, не той игры, не той чистоты, во мне имеющих. Есть всё, но моё, единоличное, в моей транскрипции: и – потому – неузнаваемое. Ибо штампа всего этого ищут, общих мест, NB! я только потому так всегда напираю на своё я, что все (жизнь – первая) его попирают, Живи я с равными – я бы этого местоимения не употребляла. Вместо Я также свободно могла бы говорить Пастернак (NB!

ошиблась – 1938г.). В иных случаях – Рильке. Во всех случаях – третье лицо: поэт». ²³

В какой-то момент Цветаевой покажется, что сильный – сильнее её! – нашёлся: Родзевич! Но на поверку и Родзевич оказывается обыкновенным обывателем. Цветаевой так и не повезёт встретить равного и сильного человека. Собственный муж был в роли ребёнка, существа, о котором она обязана была заботиться до конца, как и подобает сильной натуре и преданной «матери».

Женщина, таким образом, была для Цветаевой предпочтительнее, ибо это было – родное, своё, ибо в женщине доминирует – душа. Душа для Цветаевой – мерило всего. В «Письме к амазонке» Цветаева показывает сафическую любовь пары: старшей женщины и младшей (девушки) – аналогия Платоновой пары. Старшая и более опытная – само воплощение души, что и прельщает в ней, прежде всего, молодых, неопытных и страшящихся мужчин с их грубым материализмом. Юная возлюбленная предаётся душой и телом старшей, которая становится для неё опорой и защитой, другом и матерью и возлюбленной. Цветаева без всякого ханжества и лицемерия совершенно откровенно признаётся, что считает такой союз «прекрасным целым, какое являют собою две любящие друг друга женщины». ²⁴

Нигде и никогда Цветаева не скажет ничего подобного о гетеросексуальном браке. Напротив, о таком браке – всегда с сожалением. Если он ранний, как у неё самой, то это –

катастрофа. Если он бездетный, то – мерзкий, как у Пульхерии с Афанасием. Если он заключается из выгоды, то вызывает горечь (жаль – женщину!). По мнению Цветаевой, некоторые женщины вообще не должны вступать в брак, так как это противоречит их психофизике, но, поддаваясь силе общественного мнения, страху одиночества, боязни комплекса неполноценности, из материальных соображений они всё-таки выходят замуж за первых встречных. Цветаева пишет о своей подруге Л. Е. Чириковой: «Красивая, умная, обаятельная, добрая, мужественная и – по-моему – зря замужем. Начало девическое и мужественное». ²⁵

Почти то же самое Цветаева говорила об Асе Тургеневой, сожалея, что она выходит за А. Белого. Несомненно, что это был тот тип женщин, к которому принадлежала сама Цветаева – тип амазонки. Самой Чириковой Цветаева писала: «Вы – настоящий человек, к тому же юный, я с первой встречи любовалась этим соединением, люди ошибаются, когда что-либо в человеке объясняют возрастом: человек рождается ВЕСЬ!». ²⁶

Этот комплимент, похожий скорее на признание в любви, многого стоит, ибо Цветаева говорит его молодой женщине, а ведь Цветаева терпеть не могла молодежи из-за пустоты и вечной тяге к развлечениям и шуму.

Даже если гетеросексуальный брак заключается по любви, Цветаева знает, что любовь очень быстро пропадает, и остаются долг и дети.

Цветаева как никто другой хорошо знает тайну любви, умирающей в низинах быта: «Жить любовью нельзя. Единственное, что продолжает жить, когда любви уже нет – ребёнок». ²⁷

Цветаева знала, что мужчинам, как женщина, она не нравится. Я не нравлюсь – полу, писала она. Полушутя, Цветаева объясняет А. Берг, почему она не нравится мужчинам: «Моя мать хотела сына Александра, родилась я, но с душой (да и головой!) сына Александра, т. е. обреченная на мужскую – скажем честно – нелюбовь – и женскую любовь, ибо мужчины не умели меня любить – да может быть и я – их: я любила ангелов и демонов, которыми они не были – и своих сыновей – которыми они были!». ²⁸

В письме к А. Черновой Цветаева называет и более серьёзную причину нелюбви к ней – мужчин: «Дарование и ум – плохие дары в колыбель, особенно женскую». ²⁹

Мужчины, с их амбициями, нередко необоснованными, не прощают женщине ни дарования, ни ума, тем более, если сами они не обладают ни тем, ни другим. В своём дневнике Цветаева отводит целую страницу этой проблеме, которая весьма интересовала её: «Почему люди (мужчины) меня не любили.

Потому что не любила людей.

Потому что не любила мужчин.

Потому что я не: мужчин любила, а души.

Не людей, а вокруг, над, под.

Потому что я слишком много давала.

Слишком мало требовала.

Ничего не требовала.

Слишком многого (всего) ждала – и не для себя.

Слишком терпеливо ждала (когда не шли).

Никогда не защищалась.

Всегда прощала.

Всё прощала, кроме хулы на Духа Свята, т. е. – Эренбургу не простила хулы на героя, Геликону – (непонимания, глухости и слепости на) Врубеля и Бетховена – и. т. д. – и. т. д.

Всё прощала – лично, ничего – надлично.

Всё прощала – пока лично, всё прощала – пока мне (но где кончалась я???) но, поняв, осознав кого, что во мне обижают и унижают, уже не прощала ничего, вся бралась (изымалась) обратно из рук.

Потому (боялась), что боялись «связаться».

Потому что так попросту «связаться» – нельзя.

«Развязаться» – нельзя.

<...>

Потому что у меня – «имя» (а это в цене).

Боялись моего острого языка, «мужского ума», моей правды, моего имени, моей силы и, кажется, больше всего – моего бесстрашия и самое простое просто не нравилась «как женщина», т. е. мало нравилась, потому, что этой женщины было – мало. А если нравилась, то бесконечно меньше пер-

вой встречной, которую любили бесконечно больше». ³⁰

Это маленький и беспощадный трактат о причинах неудач в любви гения, оказавшегося женщиной. Кого из мужчин современников можно было поставить рядом с Цветаевой? – Некого! Ей нужен был рядом великодушный, умный, благородный человек, понимающий, с кем имеет дело, заботящийся о ней каждую минуту её жизни, пекущийся об её материальном благополучии и – без притязаний на собственную даровитость. Цветаева знала, что среди мужчин – даровитых или не даровитых равного ей – нет, жертвующего собой – нет. И вот, без тени гордости, спокойно она констатирует: «Мне моё поколение – по колено». ³¹

Идеальных вариантов сценария её жизни было, по крайней мере, три. Попался – четвёртый, самый неудачный. Все три идеальных варианта Цветаева наметила сама.

Первый: «Замысел моей жизни был: быть любимой семнадцати лет Казановой (Чужим!) – брошенной – и растить от него прекрасного сына. И – любить всех». ³²

Этот вариант давал бы Цветаевой относительную свободу, которой ей всегда так не хватало. Она не была бы повязана по рукам и ногам браком, долгом по отношению к никчемному мужу, жёрновом висевшем на её шее. Цветаева не могла не понимать, что она – амазонка – тоже зря замужем.

Вариант второй, который был не хуже первого: «Я бы хотела, чтобы меня любил старик, много любивший, меня – по-

следнюю. Не хочу быть старше, зорче, грустнее, добрее, холоднее. Не хочу, чтобы на меня смотрели вверх. Этого старика я жду с 14 лет: им был бы Стахович, им – почти был Волконский, потому что он меня почти полюбил». ³³

Стахович, к сожалению, повесился в 1919 году, не смирившись с советским режимом. Волконский, к сожалению, любил не женщин, но юношей. Действительно жаль, что Цветаевой не повезло с Волконским, потому что он мог обеспечить ей тот минимум комфорта и свободы, в которых она так нуждалась.

Третий вариант – может быть самый идеальный и самый желанный, но и самый недостижимый для Цветаевой, истинной последовательницы Платона – недостижимый в первой половине XX века. Её должна была бы полюбить старшая, мудрая, добрая, душевная женщина, с которой они бы и составили прекрасное целое. Её должна была бы полюбить женщина самоотверженная, которая с радостью приняла бы на себя все заботы о поэте, о её детях, которая была бы нянькой и мамкой, у которой на груди можно было бы выплакать все горести, которой можно было бы поведать печаль и горе, которая бы всё поняла, всё приняла, всё простила и утешила: мать, сестра, няня, подруга, возлюбленная.

Такая женщина у Цветаевой могла бы быть! Были же у других. Цветаева, на женскую любовь обреченная, могла бы найти свою женскую «половину», по выражению Платона. Но этот союз, это прекрасное целое нельзя было осуще-

ствить по нескольким причинам, и первая из них, как обозначила сама Цветаева в «Письме к амазонке»: «И даже если бы чудо оказалось возможным, откройте глаза и взгляните: две матери». Статус той, у которой нет ребенка, сомнителен. Кто она детям той, у которой есть дети: тётя, бабушка, няня? Две матери невозможны. Бог, общество, люди, государство для Цветаевой не были помехой. Богу, говорит она, нет дела до всех этих напастей. Церковь и государство не смеют вмешиваться до тех пор, пока посылают на бойню юношей. Помеха – существующий порядок, который Цветаева из гордости не желала оспаривать. Помеха также природа, установившая свой порядок, за нарушение которого она мстит.

Любой союз без ребёнка для Цветаевой немыслим. В «Письме к амазонке» она упоминает об одном таком союзе: П. Соловьёвой и Н. Манасеиной: «Умилительное и устрашающее видение: дикий крымский берег, две женщины, уже немолодые, всю жизнь прожившие вместе. <...> Вокруг них была пустота, большая, чем вокруг «нормальной» пожилой и бездетной пары, более отчуждающая, более опустошительная пустота». Цветаева не хотела этой пустоты, не хотела считаться проклятым полом, не хотела идти против установленного порядка и природы. Она знала, что такая пара живёт на острове – острове одиночества и изоляции. Остров – тупик. Тупик, который ничем не может быть разверст. Цветаева была в роли младшей в такой паре, когда она любила

С. Парнок. Цветаева была в роли старшей, когда она любила С. Голлидей. То, что она сказала в «Письме к амазонке» в 1934 году, она подтвердит в «Повести о Сонечке» через три года: «Я знала, что мы должны расстаться. Если бы я была мужчиной – это была бы самая счастливая любовь. <...> Ей неизбежно было от меня оторваться – с мясом души, её и моей. Сонечка от меня ушла – в свою женскую судьбу. <...> Ни в одну из заповедей – я, моя к ней любовь, её ко мне любовь, наша с ней любовь – не входила, О нас с ней в церкви не пели и в Евангелии не писали. Её уход от меня был простым и честным исполнением слова Апостола: «И оставит человек отца своего и мать свою...». Я для неё была больше отца и матери и, без сомненья, больше любимого, но она была обязана его, неведомого, предпочесть. Потому что так, творя мир, положил Бог. Мы же с ней шли только против «людей»: никогда против Бога и никогда против человека».

Яснее этого не скажешь и точнее не объяснишь. Но и природе свою тоже никуда не спрячешь и не денешь. Цветаева признаётся: «я уже ни одного женского существа после неё не любила, и уже, конечно, не полюблю». В письме к А. Тесковой Цветаева признаётся: «Пишу свою Сонечку. Это было женское существо, которое я больше всего на свете любила. М.б. – больше всех существ (мужских и женских)». ³⁴

В «Письме к амазонке» Цветаева старшую в любовной паре, имеющую роковое природное влечение к своему полу, буквально воспела. Она назвала её матерью, теряющей сво-

их дочерей (Сафо, выдающая замуж своих юных подруг), горестным и благородным существом, воплощенной душой, гордой, одинокой и страдающей. Сафо Цветаева назвала великой страдальцей и великой поэтессой. Образ Сафо ассоциировался в сознании Цветаевой с седой ивой с пониклыми ветвями, метущими лицо земли. Страдающая Сафо, теряющая юных подруг, была она сама, потерявшая Сонечку.

Но главное всё-таки впереди. Мы обсудили верность Цветаевой Платонову учению в предпочтении однополой любви, хотя не отрицается и двуполая любовь и в верности долгу, который требуют от человека отдать природа и общество. Теперь мы обсудим главную идею Платонова учения – идею восхождения

Высшее таинство любви, по Платону, путь восхождения от низшего – к высшему, от частных – к общему. В молодости человек любит прекрасные тела, но, поняв, что красота одного тела родственна красоте другого, он станет любить все прекрасные тела и будет стремиться к идее красоты. Становясь старше, человек переходит от красоты тел к красоте души и, делая одну душу лучше, постигает красоту насущных дел и обычаев и, поняв, что всё прекрасное родственно, станет считать красоту тела чем-то ничтожным по сравнению с красотой душ и дел. Затем человек обнаруживает красоту наук, и, усовершенствовавшись в науках, взойдёт к учению о высшей красоте. Созерцая её, человек уже не сможет без неё жить. В этом восхождении челове-

ку помогает Эрот, сын Афродиты Урании. Платоново восхождение к высшей красоте, это преодоление низшего, чувственного начала во имя восхождения к высшим духовным ценностям. В сиянии высшей красоты чувственное блекнет и теряет свою привлекательность, пока не отпадёт совсем как ненужное и недолжное. Человек знающий и созерцающий высшую красоту не унижится до низшего. Устами Диотимы в «Пире» говорится: «неужели ты думаешь, что человек, устремивший к ней взгляд, подобающим образом её созерцающий и с нею неразлучный, может жить жалкой жизнью».

Нечего и говорить, что Цветаева, начавшая смолоду воспевать душу и дух, как высшие ценности, быстро взошла по этим ступеням, познав высшую, божественную красоту – в СЛОВЕ, в ПОЭЗИИ. «Младенческое зверство» страсти было знакомо юной Цветаевой. Оценив мощь стихии пола, Цветаева приходит к следующему выводу: «Пол в жизни людей катастрофа. Во мне он начался очень рано, не полом пришёл – облаком. И вот, постепенно, на протяжении лет, облако рассеялось: пол распылился. Гроза не состоялась, пол просто – миновал (Пронесло!) Облаком пришёл – и прошёл». ³⁵

Мнение, ставшее с легкой руки З. Фрейда популярным, будто бы в творчестве сублимируется сексуальная энергия, Цветаева яростно опровергает (NB! З. Фрейда Цветаева читала, о чём есть свидетельство – её письмо А. Берг №33. Т. 7.

С. 497—498): «Божественная комедия» – пол? «Апокалипсис» – Пол? «Farbenlehre» и «Фауст» – пол? Весь Сведенберг – пол?

Пол, это то, что должно быть переборото, плоть, это то, что я отрясаю. <...> Основа творчества – Дух. Дух, это не пол, вне пола. <...> Пол, это разрозненность, в творчестве соединяются разрозненные половины Платона». ³⁶

Само слово – пол – Цветаева считала безобразным и ненавидела его. Возвращаясь к предыдущему высказыванию, спросим – почему не состоялась гроза? Рано созрев физически, душевно и духовно, Цветаева бросает вызов всему, что стремится поработить её. «Ne daigne!» – «Не снисхожу!» – вот её юношеский девиз. Не снисхожу ни до чего, что пытается поработить меня; не снисхожу именно потому, что очень хочу быть порабощённой собственными желаниями; не снисхожу ни до чего, что считаю ниже своего достоинства.

Молодая Цветаева укрепляла свою волю. Если ей очень хотелось что-нибудь сделать (встретиться с человеком, написать письмо, и. т. д.) она не делала этого именно потому, что ей очень хотелось сделать это. Она просто-напросто не снисходила до своих желаний. Легко ли укреплять волю подобным образом? Пусть желающий попробовать этот метод начнёт отказывать себе в том, что легко и доступно сделать: не съесть мороженого, когда хочется; не посмотреть фильм, когда можно и хочется; не пойти на футбол, когда любимая команда... и. т. д. Вы обнаружите, как это непросто

в мелочах, не говоря уже о большем. В характере Цветаевой было удивительное качество – «несосвятимая гордость», как она сама выражалась. Не гордыня, осуждаемая православием, а именно врождённая гордость, не позволявшая ей снисходить до худшего, если она видела перед собою – лучшее и высшее. И это – во всём: в отношениях к людям, к любви, к творчеству.

В любви Цветаева выделяла, как и древние греки, самые различные формы. У греков, правда, было большое количество слов, производных от слов «эрос» и «филия». Русский язык обходится для всех нужд одним словом – любовь: любовь к власти, любовь к пиву, любовь к отечеству, любовь к растениям, и. т. д. У нас всё – любовь. Поэтому, для той любви, которая у эллинов называлась «эротомания», т. е. безумная, страстная любовь к человеку. Цветаева находит свой собственный термин – любовная любовь, т. е. чувственная половая страсть. Цветаева обнаруживает, что лишена дара любовной любви, несмотря на то, что от природы она наделена чувственной страстной натурой. Она пишет в своём дневнике: «8 сент. 1932 г.

Есть, очевидно, люди одарённые в любовной любви. Думаю, что я, отчаявшись встретить одарённость душевную, сама в любовной любви если не бездарная, то явно (обратное от тайно) не одарённая – к этой одарённости в них тянусь, чтобы хоть как-нибудь восстановить равновесие.

Образно: они так целуют, как я – чувствую, и так молчат,

как я – говорю. <...> Тянусь к их единственному дару (моему единственному – отсутствующему). <...> Только в этом они сильнее, полнее, цельнее меня. К людям высокого духа я – любовно – не влеклась, Мне было жаль их на это, себя на это». ³⁷

Цветаева знает, что любовной любовью одарена не меньше других, но не явно, а тайно, а поскольку душу и дух ставит выше тела, то это стало её натурой, что и заставляет её немного сомневаться – обладает ли она этим даром, которым обладают – все. Чувственная любовь стала для неё неинтересной уже к 30 годам. Афродита Пандемос вызывает в ней такое же презрение, как и Дионис: «По мне: Дионис – мужское явление Афродиты, её единственный и истинный брат, такой же близнец, как Феб – близнец Артемиды. Пара. Чувствую это по презрению, которое у меня к обоим». ³⁸

Презрение вызвано наслаждением во имя наслаждения: «Дорваться друг до друга – да, но не для услады же! Как в прорву. «Зной» – в зной, Хлынь – в хлынь, Домой. В огонь синь» Чтобы потом – ничего не было». ³⁹

Когда Цветаева говорит, что она не любит любви, а дружбу ставит выше, то она говорит именно об этой – любовной любви, которая, в сущности, безжалостна к человеку и безлична. Любовная любовь это – «колодец рода и пола», где любимый – всё равно кто, чужой, первый встречный или первая встречная, которых подсовывает природа во имя своих

корыстных интересов. Любовная любовь, в которую «проваливаешься как в собственный пищевод» (сравнение дано Цветаевой совершенно в духе Рабле). Мужчины с радостью влекутся к любовной любви и это одна из причин, почему Цветаева мужчин не любит. Мужчины ценят чувственные улады, и Цветаева бросает всему полу упрёк: «Должно иметь небо и для любви, другое небо, не постельное. Радужное!» («Флорентийские ночи»).

Постельное небо любовной любви – путь, ведущий в тупик. Из тупика, как известно, только один выход – рождение ребёнка. Только ребёнок может оправдать всё: спуск в этот колодец рода и пола, уладу. Цветаева уверена, что всякое зачатие непорочно, ибо кровь рождения смывает всё. Непорочно, т. е. свято. Деторождение – очищение. А если нет ребёнка, а есть одна только улада, то любовная любовь переходит в иное качество – пакости. Размышляя о Магдалине до Христа и Магдалине – после Христа, Цветаева пишет: «Испакостилась о мужчин – Бог очистит». ⁴⁰

Магдалине деторождение было заказано, и ей, чтобы очиститься, нужно было только поверить в Христа. Если нет природного очищения и есть желание очищения, то один только Христос от всякой скверны и пакости очистит и простит.

Юношеская формула – «Не снисхожу!» выливается у зрелой Цветаевой в форму отказа от осуществления любовной любви как гетеросексуальной, так и гомосексуальной. Точ-

нее, Цветаева не отказывается от её первого этапа – увлечения, восхищения, влечения, восторга, преклонения, т. е. от душевных переживаний. Но её второй этап – постельный, сексуальный Цветаева совершенно исключает. Переживания первого этапа любовной любви выливаются в творческий процесс, рождающий духовных детей. Однако отказ в гетеросексуальной любовной любви не равноценен отказу в гомосексуальной любви. Первый носит привкус мести – мести мужчинам, всему полу за бездушие и материализм. Когда Цветаева, провалившись в колодец рода и пола, как в собственный пищевод, извлекает со дна этого колодца духовные сокровища, она выбирается из него на поверхность, не растрачивая силы на прохождение второго этапа. Для мужчины важен как раз второй этап, но Цветаева, отказываясь от этого этапа, перестаёт «узнавать» вчерашнего возлюбленного. В этом суть мести: отказ и забвение. «Выкарабкивание» из колодца рода и пола есть восхождение. В колодец проваливается Цветаева не для усад, а именно для того, чтобы найти силы и выбраться на поверхность.

Правильно понимали Цветаеву немногие современники. Рассказы об её многочисленных романах были на устах у всех. М. Слоним, один из немногих, писал: «Её „бурная“ жизнь страшно преувеличена. <...> всё это бабские разговоры. Это неверно и фактически и психологически. И особенно много выдумывали, конечно, женщины».⁴¹

С. Андронникова говорила В. Лосской, что Цветаева

не была склонна к романам. Андронникова, конечно, имела в виду то, что Цветаева вовсе не стремилась каждого возлюбленного затащить в свою постель. Всем, кто ищет в биографии Цветаевой «клубнички», понравится книга В. Лосской «Марина Цветаева в жизни», являющаяся собранием сплетен и всяческих гнусностей. Я убеждена, что воспоминания современников великих людей собирать и печатать необходимо, но не раньше, чем, отсеяв сомнительный материал. Некоторые современники получают, кажется, удовольствие в том, чтобы налить грязи на имя гения. В. Лосская, сделав нужное дело, не позаботилась отсеять сомнительную информацию сомнительных лиц.

Не вызывает ни у кого сомнений то, что с К. Родзевичем у Цветаевой была полная любовная связь. Поэтому долго мулсировался вопрос об отцовстве: чей ребёнок Георгий Эфрон – С. Эфрона или К. Родзевича? Приведённый в книге В. Лосской монолог на эту тему К. Родзевича свидетельствует о том, что бывший возлюбленный Цветаевой – не джентльмен. Из уважения к памяти Цветаевой не скажу более этого.

Неважно, кто был отцом Г. Эфрона. Важно то, что думала сама Цветаева. Рождение ребёнка оправдало всё, что было или чего не было. Кровь рождения смысла всё. Недаром Цветаева записала эту фразу в дневнике вскоре после рождения сына. Ребёнок был выходом из того тупика, в который она сама себя загнала. Ребёнок – и поэмы. Дважды она оправда-

на. А мнения множества муней булгаковых – кому они интересны?!

После разрыва с К. Родзевичем Цветаева записывает в дневнике: «Личная жизнь, т. е. жизнь моя в жизни (т. е. в днях и местах) не удалась. Это надо понять и принять. Думаю, 30-летний опыт (ибо не удалось сразу) достаточно. Причин несколько. Главная в том, что я – я. Вторая: ранняя встреча с человеком из прекрасных – прекраснейшим, долженствовавшая быть дружбой, а осуществившаяся в браке. (Просту: слишком ранний брак с слишком молодым. 1933 г.) Психее (в жизни дней) остаётся одно: хождение по душам (по мукам). <...> Сейчас, после катастрофы нынешней осени, вся моя личная жизнь (на земле) отпадает».⁴²

Отказ в осуществлении любовной любви касался и женщин: «Когда я пропустил два (мандельштамовых) дня, к ней пришла – первый пропуск за годы – у неё на постели сидела другая: очень большая, толстая, чёрная. – Мы с ней дружили полтора года. Её я совсем не помню, т. е. не вспоминаю».⁴

Надо заметить, что большая, толстая, чёрная (актриса Л. Эрарская) на постели С. Парнок появилась, скорее всего, из-за легкого увлечения Цветаевой в эти дни О. Мандельштамом. Ревность, вызванная ревностью. Цветаева этого Парнок не простила и её «забыла». А Парнок в 1929 году написала стихотворение, посвящённое Марине Баранович, в котором была такая строка:

Но я простила ей!

И я люблю тебя, и сквозь тебя, Марина,
Виденье соименницы твоей.

Впрочем, и Цветаева на самом деле не забыла, ибо написала же: В оны дни ты мне была, как мать,

У Цветаевой в дневнике есть прелюбопытная запись. «Мне не хорошо ни с девушками, ни с женщинами. Девушки для меня слишком глупы, женщины слишком хитры (скрытны)». ⁴⁴

Д. Свифта однажды спросили, любит ли он человечество? Человечество не люблю, отвечал Свифт, но мне дорог каждый отдельный Джон или Мери. Цветаеву никак нельзя отнести к женщинам, которых природно-роковым образом влекло именно к женщинам. Она не влеклась вообще к женскому полу, как не влеклась и к вообще мужскому. Её привлекали личности. Другое дело, что женские личности её привлекали, несомненно, больше, чем мужские. В женщинах Цветаева всегда находила то, что искала и ценила более всего — душу. Ни об одной женщине Цветаева никогда не сказала так, как о мужчинах — с досадой, презрением и даже ненавистью. О женщинах всегда с уважением и любовью. Месть мужчинам — мечь всему полу, мечь раненой всеми другими мужчинами души.

Всех бывших возлюбленных мужчин Цветаева забывала и не узнавала. Всех бывших возлюбленных женщин Цветаева отпускала. В паре с Парнок Цветаева была младшей. Во всех остальных случаях Цветаева была старшей. Её роль

старшей – платонический вариант любовной любви. Полюбив С. Голлидей, Цветаева выработала особый тип отказа, в основе которого лежит нежелание ничего оспаривать у существующего порядка вещей. В «Повести о Сонечке» Цветаева признаётся: «Мы с ней никогда не целовались: только здороваясь и прощаясь. Но я часто обнимала её за плечи, жестом защиты и охраны, старшинства (я была тогда на три года старше: по существу же – на всю себя. Во мне никогда ничего не было от «маленькой».

Братски обнимала.

Нет, это был сухой огонь, чистое вдохновение, без попытки разрядить, растратить, осуществить. Беда, без попытки помочь <...> я слишком любила её, всё прочее было меньше. Ибо, когда не любят, поцелуй говорит настолько больше, а когда любят настолько меньше, сам по себе он недостаточен. Пить, чтобы пить вновь. Поцелуй в любви – это морская вода во время жажды. <...> Я предпочитала не утолять жажду вообще». ⁴⁵

Каково ей это было – постоянно подавлять в себе желание полностью осуществить любовь! Цветаева отказывала себе в этом. Позже в «Письме к амазонке» Цветаева откровенно скажет, как трудно ей это было делать. Н. К. Барни, американка, жившая постоянно в Париже написала книгу «Мысли амазонки», в которой отстаивала право женщины на любовь к женщине. Цветаева отвечает Барни: «Я прочла Вашу книгу. Вы близки мне, как все пишущие женщины. <...> Итак,

Вы близки мне как всякое неповторимое существо, особенно неповторимое существо женского пола». ⁴⁶

Близкое, не потому только, что пишущее существо, но и потому, что мысли, высказанные Барни в её книге, были чрезвычайно близки Цветаевой и живо затронули в ней самые сокровенные глубины. Барни призывает женщин не отказываться от осуществления любви, называя отказ от этого осуществления буржуазной добродетелью. Несмотря на духовную близость, Цветаева оппонирует Барни. Дав ей в начале письма понять, что обе они – амазонки, Цветаева, тем не менее, возражает против того, чтобы называть отказ от осуществления любви буржуазной добродетелью. Напротив, она считает это просто человеческой добродетелью, проявлением мощной силы воли, противоборствующей мощной стихии пола: «подавление энергии требует бесконечно большого усилия, чем её свободное проявление – для которого вообще не нужно усилий. <...> Что трудней – сдерживать лошадь или пустить её вскачь? И поскольку лошадь, которую мы сдерживаем, – мы сами – что мучительней: держать себя в узде или разнуздать свои силы? Дышать или не дышать? Помните эту детскую игру: честь победы принадлежала тому, кто мог дольше всех пробыть в сундуке, не задохнувшись. Жестокая и совсем не буржуазная игра. Действовать? Дать себе волю. Всякий раз, когда я отказываюсь, я чувствую, как внутри меня содрогается земля. Содрогающаяся земля – это я. Отказ? Застывшая борьба. Мой отказ

называется ещё так: не снисхожу – ничего не оспаривай у существующего порядка». ⁴⁷

Это признание раскрывает всю глубину драмы: цветаевского отношения к возлюбленным женщинам. Её железная воля – воля гения. Цветаева была истинной ученицей Платона, ибо и здесь мы видим путь восхождения, каковым и был отказ. Совсем не случайно на вопрос о том, какие страны ей нравятся, Цветаева отвечала: Германия и Древняя Греция. Именно в Древней Греции, следуя учению Платона, Цветаева могла бы не отказываться от осуществления любви, а затем отпускать подруг в объятия женихов, чтобы рождались дети.

Но то, что было возможным в Древней Греции, невозможно в современной культуре, считала Цветаева. Эта невозможность осуществления любви, этот запрет, который она сама наложила, приносил ей страдание. «Когда я вижу, как печалится ива, я понимаю Сафо», пишет Цветаева в «Письме к амазонке». Ива – любимое дерево Цветаевой – тело и душа женщин. «Седые волосы, размётанные по лицу, чтобы ничего более не видеть. Седые волосы, метущие лицо земли» В конце письма приписка: «переписала и перечитала в ноябре 1934 года ещё чуть более поседевшая М Ц.» Ясно, что самое себя ассоциирует Цветаева и с ивой, и с старшей, и с Сафо.

Из «Письма к амазонке» видно, что любовь женщины к женщине Цветаева считает высочайшей духовной ценно-

стью, могущей приносить духовные плоды. Платон, сам восходивший от восхищения юношеской красотой к восхищению красотой философии, понял бы Цветаеву. Она точно также восходила от восхищения человеком к восхищению красотой поэзии, которая одна только и сияла для неё на вершинах Духа.

Закljučая эту тему, можно сказать, что сильная чувственность не есть исключительно «привилегия» гениев. Обыкновенные люди тоже нередко обладают повышенной нервной возбудимостью, но – увы! – это не делает их гениями. Весь вопрос в том, – на что расходуется сильная чувственность. Обычный человек растрчивает себя, если его дух слаб, и он не может управлять низшими инстинктами, на многочисленные любовные интрижки, ради услад. Ярким примером тому в литературе может послужить образ Дон Жуана. Для гения конечной целью сексуального возбуждения должна быть не услада сама по себе, но духовный плод. Без духовных плодов гения нет. Что до услады ради услады, которой может увлечься и гений, то Цветаева довольно жестко сказала: «Блуд (прихоть) в стихах ничуть не лучше блуда (прихоти, своеволия) в жизни». ⁴⁸

В сущности не-гений свою сильную чувственность должен был бы расходовать по той же модели, что и гений: любовные переживания – чувственное наслаждение – ребёнок. Но у обыкновенного человека конечная цель – ребёнок – чаще всего выпадает, как у гения может выпасть зве-

но – чувственное наслаждение. Обыкновенный человек конечной целью легко жертвует из эгоистических соображений.

Гений никогда не может пожертвовать конечной целью – духовного творения. В. Соловьёв выразил эту мысль так: «Природа суть танцовщица, дух – зритель. Она себя показала, он её видел, и они могут расстаться». ⁴⁹

Дух Цветаевой быстро расстался с природой. Тело с его плотскими желаниями стало для Цветаевой чем-то третьестепенным. Она рано перестала с ним считаться, и это было одной из величайших её побед – победы Духа над материей. Впрочем, тело Цветаева иногда и допускала и даже его любила: «Тело! Вот где я его люблю: в деревьях». ⁵⁰

Бунт Цветаевой против желания любви – лежать (дружба – стоит) есть бунт гения, не желающего быть рабом низших страстей. Гений лежащий, но не действующий, – абсурд. Сильная чувственность, преодоление чувственности как стихии, Божий дар, вдохновение, овладение ремеслом, трудолюбие, действие, восхождение от низшего – к высшему – вот гений! Всем этим требованиям Цветаева отвечала во всей их полноте. Убеждение Цветаевой, что её любил бы Платон, имеет под собою прочнейший фундамент. За этим высказыванием Цветаевой кроется не только та мысль, что Цветаева была последовательницей греческого философа, но и то, что не в одних только юношах Платон мог находить источник чистого вдохновения. Вспомним Сафо. Пла-

тона с нею разделяли два века. Платон, восхищенный её поэзией, пишет:

Девять лишь муз называя, мы Сапфо наносим обиду:

Разве мы в ней не должны музу десятую чтить?

Такое высочайшее признание женского гения от Платона многого стоит. И разве не считала себя Цветаева достойной наследницей великой Сафо?!

ЛИТЕРАТУРА

Соловьёв В. Судьба Пушкина//В. Соловьёв. Философия искусства и литературная критика. – М.: Искусство, 1991. С. 276.

Губер П. К. Дон-Жуанский список Пушкина. Петербург, «Петроград». 1923. С. 19.

Соловьёв. Там же. С. 276.

Цветаева М. Неизданное. Семья: История в письмах. – М.: Эллис Лак, 1999. С. 306—309.

Цветаева М. Сводные тетради. – М.: Эллис Лак, 1997. С. 516—517.

Цветаева М. Об искусстве. – М.: Искусство, 1991. С. 74.

Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 6. – М.: Эллис Лак, 1998. С. 621.

Там же. С. 593.

Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. С. 139.

Там же. С. 36.

Там же. С. 63.

Там же. С. 132.

Лихт Г. Сексуальная жизнь в Древней Греции. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. С. 295—296.

Цветаева. Незданное. Сводные тетради. С. 29.

Цветаева. Т. 6. С. 614.

Цветаева. Незданное. Сводные тетради. С. 78.

Лихт. Там же. С. 221.

Цветаева. Т. 6. С. 588.

Там же. С. 729.

Цветаева. Незданное. Сводные тетради. С. 66.

Там же. С. 134.

Там же. С. 36.

Там же. С. 496.

Цветаева М. Письма к амазонке//Звезда. №2. 1990. С. 186.

Цветаева М. Собрание сочинений в семи томах. Т. 7. М.: Эллис Лак, 1995. С. 315.

Цветаева. Т. 6. С. 304.

Цветаева. Письмо к амазонке. С. 18.

Цветаева. Т. 7. С. 510.

Цветаева. Т. 6. С. 670

Цветаева. Незданное. Сводные тетради. С.495.

Там же. С. 458.

Там же. С. 272.

Там же. С.543.

Цветаева. Т. 6. С.454.

Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. С. 133—134.

Цветаева. Т. 6. С. 530.

Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. С. 484.

Там же. С. 251.

Там же. С. 239.

Там же. С. 123.

Лосская В. Марина Цветаева в жизни. Неизданные воспоминания современников. – М.: Культура и традиции, 1992. С. 155.

Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. С. 270.

Там же. С. 35.

Там же. С. 277.

Цветаева. Сочинения в семи томах. Т. 4. М.: Эллис Лак, 1994. С. 312—313.

Цветаева. Письмо к амазонке. С. 183.

Там же. С. 184.

Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. С. 86—87.

Соловьёв. Сочинения в 2-х томах. Т.1. – М.: «Мысль», 1990. С. 137.

Цветаева. Неизданное. Сводные тетради. С. 236.

Творение мифа о поэте

Миф о поэте начал твориться в древние времена. Древние арабы называли поэта многосведущим. Считалось, что поэта вдохновляют боги. Как утверждает Й. Хёйзинга, – «из поэта ясновидца лишь постепенно выделяются фигуры пророка, жреца оракула, стихотворца, философа, законодателя, оратора, демагога, софиста, ритор» [1, 140]. Формировавшийся на протяжении столетий миф о поэте окончательно сложился в первой половине XX века под пером М. Цветаевой. В мифе о поэте она выделяет архетип, т. е. первообраз. Таким архетипом является Орфей. У Орфея нет национальности. Он может явиться в любой стране и в любое время. В письме к Р. М. Рильке Цветаева говорит: «Пушкин, Блок и – чтобы назвать всех разом – ОРФЕЙ – никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!)» [2, 93]. Однако степени дарований поэтов различны. Цветаева говорила, что поэты также различны, как планеты. Кроме того, у каждого народа всегда есть особенный поэт – главный Орфей, с которого начинается литература этого народа. Это гении, чьё творчество становится для всех последующих поэтов мерилom, образцом для подражания, Гения Цветаева ставит в ряд поэтов-богов. У греков это Гомер, у итальянцев Данте, у русских А. Пушкин, у украинцев Т. Шевченко. Сколько бы ни появилось потом поэтов у народа, все они бу-

дуг поставлены рядом с Орфеем для сравнения, чтобы определить масштаб новоявленного дарования. Цветаева замечает, что памятник Пушкину был её первым наглядным уроком иерархии. Ребёнок, держа в руке маленькую фарфоровую куколку, подходит к памятнику и приставляет фигурку к постаменту, «проходя взглядом снизу вверх весь гранитный отвес, пока голова не отваливалась, рост – сравнивать». («Мой Пушкин»). Три фигуры: памятник Пушкину, девочка и фарфоровая куколка. «Куколок», которые никогда не вырастут, много. Девочка, которая вырастет, снизу вверх меряющая памятник, несомненно, символический образ. Цветаева через этот символический образ как бы сразу определит свой собственный масштаб и перспективу роста. В двадцать один года она напишет стихотворение «Встреча с Пушкиным», в котором с достоинством вполне созревшего человека и поэта скажет: Пушкин! – Ты знал бы по первому взору, Кто у тебя на пути. И просиял бы, и под руку в гору Не предложил мне идти. Цветаева редко кому говорила «ты». С Пушкиным она на «ты», как равная, без намёка на интимность. В 1931 году Цветаева напишет: «Я с Пушкиным мысленно с 16-ти лет – всегда гуляю, никогда не целуюсь, ни разу, – ни малейшего соблазна» [3, 443]. Перед Пушкиным Цветаева никогда не чувствовала себя умалённой. Было осознание равенства, не пошлого демократического равенства всех – со всеми, а равенство аристократов Духа, равенство творцов. Вчерашняя маленькая девочка, пообещавшая па-

мятнику Пушкина вырасти, воображает встречу с реальным Пушкиным, тоже молодым. Она не снижает их воображаемое свидание до уровня любовного свидания двух молодых людей, а возвышает до уровня братства: «он бы меня никогда не любил (двойное отсутствие румянца и грамматических ошибок), но он бы со мной дружил до последнего вздоха» [4, 575]. Двое связаны узами принадлежности одному Цеху поэтов. Оба они – одной крови, одной породы. В гору – вместе. Девочка идёт сама, без помощи спутника, потому что силы – равны; и под гору вместе, но – за руку, как друзья. Силу и масштаб своего поэтического дарования Цветаева хорошо осознавала смолоду: «Все настоящие знали себе цену – с Пушкина начиная (До Пушкина! Или м. б., кончая, – ибо я первая после Пушкина, кто так радовался своей силе, так – открыто, так – бескорыстно, так – непереубедимо!) Цену своей силе. Свою силу. (Не свою!)» [2, 396]. Не свою силу, потому что, как считает Цветаева, данную Богом. Если мы обратимся к очерку Цветаевой «Герой труда» о В. Брюсове, то обнаружим много интересных мыслей о труде поэта. Само название очерка звучит иронически, с намёком на реалии коммунизма, идея которого была безоговорочно принята Брюсовым, за что в письме к М. Волошину от 1921 года Цветаева назовёт Брюсова гадом, и продажным существом. Брюсов, кому от рождения не было отпущено божественное вдохновение, силой воли и труда поэтом себя – сделал. Цветаева ставит Брюсова рядом с Пушкиным, чтобы было вид-

но разницу в масштабах. «Волей чуда – весь Пушкин. Чудо воли – весь Брюсов. Меньшего не могу (Пушкин. Всемощность). Раз сегодня не смог, завтра смогу (Пушкин. Чудо). Раз сегодня не смог, никогда не смогу (Брюсов, Воля)». Для Цветаевой Пушкин – чудо, явленное Богом. Чудо всесторонней и всемошной гениальности. Между прочим, о себе Цветаева скажет: «Я – много поэтов, а как это во мне спелось – это уже моя тайна» [2, 408]. Единственность и неповторимость Пушкина, его величие как поэта, Цветаева будет утверждать всегда. Она видела мир, людей, общество отнюдь не с демократической точки зрения. Понятие равенства она никогда не распространяла на сферу духа; она допускала равенство только в бытовом пласту жизни: «Все одинаково хотят: есть, спать, сесть, и. т. д.». Пушкин демократического равенства тоже не признавал, достаточно вспомнить его высказывания об американской демократии. В беседе со Смирновой Пушкин сказал: «В сущности неравенство есть закон природы. Ввиду разнообразия талантов, даже физических способностей в человеческой массе нет единообразия; следовательно, нет и равенства» [5, 128]. Цветаева не признавала высшими ценности, признаваемые в обществе: власть и богатство. Для неё это были сомнительные ценности. Высшими ценностями для неё были власть и богатство творческого духа. Цветаева видит мир как бы в двух плоскостях: социальной иерархии и духовной иерархии. Эти две плоскости практически никогда не совпадают. С точки

зрения социальной иерархии в обществе есть высшие – Царь и дворянство, духовенство и – остальные. С точки зрения духовной иерархии всё смещается и над Царём встаёт – Поэт. «Почему государи не служат поэтом? Не Людовик XIV – Расину? Разве Людовик – выше? Разве Людовик думал, что – выше? *Droit divin*, но поэт – больше, явнее *droit divin* – над человеком: *droit divin* – над самим поэтом: *droit divin* Андерсена извлекшее из гроба служившего ему колыбелью, Гейне – из еврейской коммерческой гущи, всех нас – <пропуск одного-двух слов> – извлекшее и поставившее» [2, 450]. Бог являет себя непосредственно в Поэте, а уж потом – в Царе, и прочих. В Царе Бог являет себя как правитель. В Поэте – как Творец. Первая забота Бога – творить, а уж потом управлять сотворённым. Так и Поэтово дело – творить, и Поэтово дело выше дела управления.

Бог творит Вселенную из ничего. Поэт творит ещё не бывшее, – третий мир, или как мы нынче говорим – виртуальную реальность. Именно поэтому Поэт и есть высший, с точки зрения Цветаевой. Именно этим своим особым положением и делом он отличается от остальных: неравенством дара, неравенством духа. Почему Поэт, а не Живописец? Поэт, а не Музыкант? Поэт, а не Сапожник? Потому что орудие созидания у Поэта и у Бога одно и тот же – Слово: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Всё через Него начало быть, что начало быть» (От Иоанна 1, 1—3). Пушкин ставит Поэта выше

аристократии породы и богатства; он ставит Поэта вровень с Царём: Ты Царь: живи один... Пушкин в русской поэзии – бог. Цветаева не называет его именно так, но из всего, что она сказала на эту тему, именно это и вытекает. Это косвенно подтверждается через её отношение к Гёте: «Гёте <...> мы должны рассматривать его в ряду не людей, но – богов». («Поэт-альпинист») Так и Пушкин в ряду – богов.

«Любой» и «один» – вот формула Цветаевой, где «один» – величина незаменимая. «Любой» величина, заменимая кем угодно, и когда угодно. Пушкин – один, а Николай 1 – любой, и Дантес, там более – любой, и Гончарова – любая. И этот «любой», говорит Цветаева, всегда найдётся. «Пушкин меня заразил любовью», – уверяет Цветаева. Если поэт есть бог, а Бог есть любовь, то дело поэта творить и любить. Формула усложняется. Всё ведёт к судьбе. Потому что, если поэт – творец, то он должен любить то, что является источником его творчества. Вот тут-то и видна разница между Богом, творящим Вселенную и поэтом, творящим свою поэтическую вселенную. Бог творит из ничего. Поэт творит, имея источником земную действительность, сотворённую Богом, плюс собственную душу, на которую эта действительность воздействует («душу задевает»). Между Богом и Вселенной – никого нет. Бог любит то, что творит и ждёт от творения ответной любви. Даже если творение не оправдывает надежд Бога, на Его судьбе (если у Него есть судьба!) это никак не отразится. Между поэтом и его творе-

нием всегда находятся источники, его питающие. От них зависит судьба поэта, которая может быть этими источниками разрушена. Такими источниками могут быть другие люди. Или человек. В особенности «любой». Поэтому в формуле «один» + «любой» – «любой» всегда сильнее. «Один» всегда беззащитен и от «любого» зависим. Вот почему качественность любого так важна. Доброкачественность «любого» – гарантия относительного благополучия поэта, где под благополучием понимается доброкачественность самой его жизни и её безопасность. Злокачественность «любого» ведёт соответственно к катастрофе. Злокачественный «любой» это чернь. Чернь может явиться в каком угодно облиции. Пушкину она явилась в мундире кавалергарда Дантеса и убила его. Цветаева задаёт риторический вопрос: – Какого поэта не убили? И отвечает сама на него: мировая лирика питается юношескими смертями. Поэт, несмотря на своё высочайшее место в духовной иерархии есть существо в высшей степени уязвимое и зависимое. Поэт – смертный бог. И только это равняет его с «любыми». С точки зрения общественной иерархии, что такое поэт? Почти ничего. Он занимает самое низшее место, где-то рядом с сумасшедшими. Его легко унижить. Царь может сделать поэта камер-юнкером. Казалось бы, царь даёт поэту место в общественной иерархии. Не самое высокое место, но и не низкое. А поэт оскорбляется. Потому что в его возрасте и при его славе это унижительно. Крестьянин может посчитать поэта за бездельника.

И, по-своему, будет прав. Но считаться бездельником тоже унижительно, потому что поэт знает, что он великий труженик. Вот и получается, что никто поэта не ценит и не понимает. Цветаева сказала, что в жизни врач и священник нужнее поэта. У одра умирающего они, а не поэт. Все нужнее поэта, за исключением дармоедов всех разновидностей. Общество чаще всего так и относится к поэту, как к не нужному человеку. Так возникает в мифе о поэте мифологема «поэт – отверженный». Глядя на памятник Пушкину, Цветаева в детстве получает первый урок не только масштаба и иерархии, но и материала и мысли. Памятник сделан из чёрного чугуна. Ребёнок делает первое открытие «русский поэт – негр». Первичное, но не главное: цвет и материя, цвет и раса. Вторичный смысл главнее первого: негр в определённое время и в определённом месте есть существо отверженное, унижаемое, презираемое. Какой поэт, спрашивает Цветаева, в этом смысле не негр? Мифологема расширяется: «всякий поэт – негр». Всё начинается с Орфея, который и был первый «негр» и первый был растерзан менадами. К этой теме Цветаева неоднократно возвращалась в своей лирике: Так плыли: голова и лира,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.